

С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ...

ПОЕДИНОК

РЕПОРТАЖ

На ПЛАЦУ офицеры гоняют солдат. Гарпуют на конях чубатые казаки. Чуть поодаль горят костры, их облезли и искрят на стенах часовни, возле которых лежат господа офицеры...

Человек в черном костюме и черном же кителке, сопровождаемый синим беретом, обходит строй.

В артире неизвестного гул. Все запрокидывают головы. Над якорем, на борту, вспыхивает свет. Литига самолетов... Из мегафона разносится:

— Стоп! Прекратить съемку!

— Еще одно добро в кадр попадет, — озабоченно говорит режиссер Владимир Чеботарев оператору Юрию Гантману, проводя взглядом серебристый «Луг».

Мы на съёмочной площадке, где мосфильмовцы снимают один из эпизодов двухсерийного фильма «Дело Бориса Савинкова».

Первым так перерыв, человек в черном костюме — Борис Савинков (его играет Владимир Самойлов) присаживается на завалину на кирзовом ковре, смотрит, углубляясь в склонный номер газеты. Участники миссии, сбившись в кучу, спорят о футболе, говорят о погоде...

Попытавшись фразой, прошу постановщика рассказать о будущей картине. — Мы решали воссоздать одну из архивных страниц в истории советских кинематографистов, — говорит В. Чеботарев, — оператор по линиям группы контреволюционеров, идеологом и руководителем которой был Борис Савинков.

Действия картинки, в основе которой реальные события и люди, развертываются на широком историческом фоне 1923—1924 гг. Республика Советов перенимает трудное время. После разгрома интервентов она выдерживает новое наступление интервентов, действующих с воздухом и морем. Враги делают ставку на Бориса Савинкова, руководителя махрового «Союза защиты родины и свободы».

Операция членов под кодовым называнием «Снайдик-2», которая руководили Ф. Дзержинский и В. Менжинский, — продолжает В. Чеботарев, — предполагала задачу парализовать действия врагов, а самого Савинкова взять живым, судить и разоблачить как идейного вождя контрреволюции. Поэтому операция носила не оперативный, а политический характер, она была рассчитана на большой международный резонанс.

Условно можно назвать нашу картину политической хроникой. Мы хотим ступить в напряженное поединок состояний двух диаметрально противоположных идеологий: меньшевиков-большевиков, Андрея Федорова и матерого контреволюционера Бориса Савинкова. Кандидатура Федорова была предложена В. Менжинским. Почему? Да потому, что по своим качествам — человеческим и профессиональным — он как никак лучше подходит для выполнения сложной и тонкой политической задачи.

Не отступая ни на шаг от исторической правды, мы стремимся художественными средствами показать, что крах Савинкова предопределен всем ходом истории. Его бесславный конец — еще одно напоминание тем, кто становится на стезю политического авантюризма и фешизма, что поселяет социализм.

— Где, кроме Москвы и Вильнюса, величи съемки?

— Наши группы побывали в Париже, Барселоне и Кракове.

— Кого из актеров увидят артисты в главных ролях и кто авторы сценария?

— Федорова играет Юрий Фёдоров, Савинкова, как вы уже знаете, — Владимир Самойлов, в остальных ролях артисты Е. Матвеев, А. Фельдович, В. Сафонов, Л. Куралев и другие. Сценарий написан В. Ардамским, З. Смирновым и мной.

— Первый кончикся. Снова зазвучал «блэгвардайский» погрем.

Б. МИШКИН,
наш внешт. корр.

Фото Ю. Родинки.

В АНТРАКТЕ

Я НЕ ПИШУ
О БАЛЕТЕ...

встретились мы с восхажденным артистом Республики, лицеем театра Ленинского комсомола Владимира Васильевым между репетициями. Время было в обрез, артист был заняты...

— О мой работы, театральных планах?

— Нет! О нашем единстве — о нашем единстве не как национального союза, а как... живописи!

Рисовать я любил всегда. Но с началом учебы в художественном училище мое поглощение, естественно, отшло на второй план. Но я часто посещал музеи, а также выставки, забывалась подлинниками, временем было влюблен в каждого художника, который, в его живописи, встречал такие юношеские, которые, как мне казалось, сама вспыхивала на полотно. В общем вскоре я вернулся к мольберту.

Меня интересует, как я, в этом, много работавший в театре, часто гастро-лирический, по стране, за рубежом, испытывает поклонение со стороны публики. Видимо, видимо...

— Рисовать я любил всегда...

— Но я не могу...

— Живопись — отдельная, я не могу...

